

САМООРГАНИЗАЦИЯ И СТИХИЙНОСТЬ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЯПОНИИ И РОССИИ

ХАКАМАДА Сигэки - профессор университета Аояма Гакуин, Япония.

В России проблемы демократизации и перехода к рынку вышли на первый план, поэтому сейчас как никогда важно рассмотреть условия, которые позволяют нормально функционировать современному цивилизованному обществу и рыночной экономике. Сопоставление путей развития Японии и России уже проводилось [1], но сегодня, по окончании периода перестройки, можно с новой точки зрения сравнить эти страны. В данной работе анализируются отличительные черты Японии и России с социальной, точнее, социально-психологической стороны, а также такие понятия, как самоорганизация и самодисциплина, которые он рассматривает в качестве первоосновы существования современного цивилизованного общества и рыночной экономики.

Проблема реформирования в России имеет два аспекта. Первый заключается в смене систем, т.е. в переходе от "социализма" к демократии и рыночной экономике. Второй - в переходе от общества, которому присущи и эгоизм индивидуумов, предприятий, социальных групп, регионов и т.п., точнее, общества, где эти явления подавляются принудительно государством (от так называемого "базарного" общества), к обществу, где превалируют самоорганизация и доверие. Обсуждая российские реформы, обычно всегда говорят о первом аспекте, второй же аспект не принимается в расчет или о нем забывают [2].

Однако предпосылкой функционирования современного общества и рыночной экономики является чувство дисциплины и порядка, сдерживающее эгоистические устремления людей и организаций и являющееся "общественным капиталом". Например, бытует мнение, что присущее рыночным отношениям правило "соблюдения договора" порождено самими экономическими условиями. Но это не совсем так. Более того, порядок не возникает благодаря законам и усилению контроля. В действительности в воспитании законопослушных и порядочных, "не нарушающих договора" граждан немалую роль играют культура, традиции и обычаи общества. Кроме того, большое значение придается образованию и воспитанию как необходимым условиям

демократизации и перехода к рыночной экономике, а о социально-психологических факторах практически не упоминается. Автор считает, что сопоставление Японии и России - хороший пример для сравнения, так как в обеих странах традиционно подавлялись естественные человеческие чувства и желания. После реставрации Мэйдзи на развитие Японии большое влияние оказали национальные традиции. Вместе с тем российские традиции породили не только коммунистическое авторитарное общество, но и сегодняшний хаос и трудности. Однако возможно, что в будущем традиции и социально-психологические факторы, которые до сих пор способствовали развитию Японии, сыграют отрицательную роль.

1. Отличительные черты Японии и России

Автор считает, что основное отличие японского общества от российского состоит в следующем. В Японии по окончании эпохи Эдо и даже ранее значительное развитие получил механизм общественного или социально-психологического сдерживания естественных чувств, желаний и эгоистических побуждений. Одной из причин его возникновения являлась ограниченность природных ресурсов, а также общественная система, при которой негде было спрятаться от "чужих глаз". С другой стороны, это способствовало формированию таких национальных черт, как уважение к порядку и доверительные отношения между людьми, трудолюбие и пунктуальность, являющиеся необходимым условием существования современной цивилизации и рыночной экономики. В обществе начала эпохи Мэйдзи, когда Япония делала первые шаги на пути перехода к нынешнему этапу развития, особое уважение к порядку и трудолюбие уже являлись характерной чертой национального характера. Таким образом, как важное общественное достояние эти качества народа значительно повлияли на развитие японского общества по окончании эпохи Мэйдзи. А так называемые "гражданское общество" и "демократия" имеют в Японии свои особенности и основываются не на индивидуализме, как в Европе и Америке, а на традиционной общественной психологии.

Общественные традиции японского государства, сдерживающие проявление естественных чувств и желаний народа, вместе с положительными аспектами породили и отрицательные, такие, как принцип единообразия образа жизни, подавление творческих начал в человеке, трудность ведения венчурного бизнеса и т.д. Несомненно, в XXI веке эти факторы окажутся серьезным препятствием на пути развития японского общества.

Трудности же российского общества во многом объясняются недостатком социально-психологических ограничений. А без внешнего контроля велика возможность возникновения беспорядков и хаоса.

2. "Социально-психологические ограничения"

в Японии и "стихийность" в России

В японском обществе правовое регулирование, или силовое правление не имеет такого значения, как в России. Поведением людей управляют не принуждение законом и не авторитет влиятельных руководителей, а социально-психологические факторы самоограничения, которые действуют как в межличностных, так и групповых отношениях. Вот что говорит по этому поводу Чиэ Наканэ - известный японский социолог и антрополог: "Можно сказать, что сами люди, которые постоянно подчиняются правилам малых групп и стремятся к динамическому балансу, регулируют нашу общественную жизнь и поддерживают в ней всеобщую гармонию. В японском обществе социальное регулирование является частью правового регулирования" [3]. В Японии общественный порядок поддерживается не силой закона и контроля со стороны государства, а, наоборот, общественной или социально-психологической силой сдерживания. Люди и

организации по сути своей эгоистичны. Если их эгоизм не подавить и дать ему выход, то общество, столкнувшись с проявлениями эгоизма, станет дезорганизованным, что может подорвать сами основы его существования, в том числе экономические.

В японском обществе социальный порядок контролируется властями, но, помимо этого, он поддерживается благодаря общественным (социально-психологическим) традиционным ограничениям, хотя в принципе и в Японии люди и организации несвободны от эгоистических желаний и нельзя сказать, что моральный уровень японцев особенно высок. Но в Японии на уровне индивидуумов действует социальный механизм, в соответствии с которым человек, если он хочет добиться какой-либо цели, не будет выставлять на всеобщее обозрение свой эгоизм, а скорее подавит его и проявит заботу об обществе и ближнем. Ведь он знает, что тем самым он придет к реализации поставленной цели быстрее, чем действуя напрямик.

Люди на личном опыте убеждаются, что человек или организация, открыто проявляющие свой эгоизм, неизбежно оказываются в невыгодной для себя ситуации; и наоборот, если они действуют осмотрительно и сдержанно, то это приносит им желаемое. Так, например, во время сильного землетрясения в Лос-Анджелесе произошли массовые ограбления магазинов, а во время землетрясения в Кобэ почти не было зарегистрировано случаев мародерства. Даже иностранные журналисты были поражены царившим там порядком. Если японец будет уличен в мародерстве во время катаклизма, то он потеряет доверие окружающих, свое положение и работу, что гораздо важнее получения сиюминутной выгоды. В любом обществе - даже в небольшой замкнутой социальной группе - действует механизм социально-психологического сдерживания, но, в отличие от других стран, в Японии, где господствуют тесные межличностные отношения, подобный механизм действует наиболее эффективно. Другими словами, в японском обществе трудно открыто выражать свои чувства и желания, имеет место психологическое давление на человека. В политическом смысле это свободное общество, но в социально-психологическом плане ограничения настолько сильны, что, можно сказать, человек лишен свободы. Ущемление личной свободы в "маленьком обществе", даже если оно носит чисто психологический характер, все равно является жестоким актом насилия.

В России, за исключением некоторых религиозных объединений и социальных групп, сильно влияние так называемой стихийности. Стихия вообще - это проявление сил природы, имеющее разрушительные последствия. С социальной точки зрения - это проявление необузданных желаний или эгоизма, которые присущи как отдельным людям, так и социальным единицам - группе, объединению, предприятию, региону и т.п. В российском обществе склонность к стихийности велика из-за того, что общественный и социально-психологический механизмы подавления эгоизма не функционируют в полную силу и практически ничто не отвращает человека от желания получить сиюминутную выгоду вместо того, чтобы получать ее постоянно, пусть даже путем приложения некоторых усилий.

В Западной Европе до средних веков в поведении общества и людей в избытке присутствовали элементы стихийности. Низшие слои общества средневековой Франции, о которых писал голландский историк Хейзинга [4], наиболее открыто проявили свои естественные чувства. А вот что пишет Мартин Лютер о Германии XVI в., как о мире стихийности, где шло постоянное противоборство эгоистических интересов. "Если бы они были истинными христианами, то им бы не понадобились ни монархи, ни судьи, ни мечи, ни законы, ни наказания. Хотя весь мир пронизан злом, среди тысячи людей с трудом найдешь одного истинного христианина. Остальные же все грешники и дурные люди. Мы, немцы, навсегда останемся скотами и дикими зверьями. Люди уничтожат друг друга — и мир исчезнет, поэтому нужно вести их к миру и радости насильственным путем, путем применения против нехристиан таких факторов внешнего принуждения, как меч и закон" [5].

Чтобы противостоять стихийности в обществе, которое не породило "социального механизма", ее подавление, необходимо строить доверительные отношения внутри не-

больших социальных групп, которыми представлено это общество, или же контролировать стихийность с помощью государственной власти и других сдерживающих сил [6].

3. Япония и Россия в первой половине XX века

Трудолюбие и аккуратность народа являются показателем того, насколько силен в обществе механизм сдерживания естественных желаний и чувств. Сохранились записки, по которым можно судить, как видели японское общество начала века русские пленные, попавшие во время русско-японской войны в концлагерь в городе Мацуяма. В записках ясно отражены качественные и социально-психологические отличия японского и российского общества. Они принадлежат жене некоего русского офицера, женщине из благородной семьи, утонченной и наблюдательной, последовавшей в лагерь Мацуяма за супругом. Вот что она записала со слов арестованных русских.

Префектура Иё, столицей которой является Мацуяма, похожа на неестественно чистый голландский городок, поэтому возникло подозрение, что это место - "потемкинская деревня". Хотелось найти хоть одного крестьянина, живущего в свинарнике на маленьком грязном поле, однако сделать это не удалось. "Везде было одно и то же. Соломенные крыши одинаковой формы выстроились как на картинке, нарисованной школьником. Одинаковые маленькие рисовые поля составляют геометрические узоры, похожие на мозаику. В любой долине и на склоне земля возделывается, если туда поступает вода. Что же до лесопосадок - в любом районе вдоль железнодорожных линий, да в местах, отстоящих от железной дороги на несколько миль, за насаждениями ухаживают так, как будто этим занимается сельскохозяйственная академия. И все это не трюк, проделанный ловкими руками. Я был поражен окружающим, словно произведениями искусства на выставке. Я даже подумал, какое было бы счастье унести всю эту красоту с собой..." [7]. Русские из Мацуямы были удивлены тем, что японские крестьяне, в отличие от русских, вкладывают всю душу в выращивание сельскохозяйственных культур, а также чистотой городов и жилищ в глубинке. Далее автор записок замечает: "В России крестьяне и рабочие бедны, морально неустойчивы, невежественны и необразованны, хронически недосыпают. Сколько же нужно времени и усилий, чтобы этих людей облагородить и дать им хорошее образование, как у японцев! Много спорят о том, как вывести Китай из летаргического сна, но сначала надо разбудить Россию!"

Культурный шок русских от увиденного в Японии, возможно, усугублялся моральной тяжестью поражения в русско-японской войне, однако тому есть и другие причины.

Вот как Эдвард Мозе, посетив Японию в начале периода Мэйдзи в 1877 г., описывает свое впечатление о японцах. Кстати сказать, к тому времени распалось правительство Эдо, к власти пришло переходное революционное правительство, начался процесс отмены кланов и учреждения префектур, старые порядки и ценности пали, ширилась борьба за свободу и народные права, а на юго-западе разразилась гражданская война, продолжались безвластие и политический хаос в стране.

"Насколько серьезны и опрятны крестьяне и наемные работники! О честности работников, их бережливости, вежливости и опрятности, об их морали, которую у нас в стране можно было бы назвать истинно христианской, - обо всем этом следовало бы написать целую книгу!" [8]. "Иностранец, несколько месяцев проживший в Японии, начинает с удивлением и огорчением осознавать, что японцы, кажется, с рождения обладают такими человеческими качествами, как нравственность и достоинство, их уже нечему учить" [8, с. 40]. "Повсюду воочию можно убедиться, как упорно трудятся люди. Невозможно и представить, что вручную пересаживается рис и скрупулезно уничтожаются сорняки на тысячах акрах заливных полей" [8, с. 61].

Вместе с тем в книге Э. Мозе отмечено, что "тонкая психология" японцев может обернуться крайней жестокостью. Однако факты свидетельствуют о том, что со-

циальный механизм сдерживания естественных желаний и чувств, традиция самоограничения и трудолюбия, которую можно назвать пуританской, существовала и в жизни самых низших слоев общества Японии. Приведем для сравнения впечатления Г.Д. Уэллса, который в 1920 г. посетил Россию. "Разруха и запустение - такова реальность сегодняшней России. Революционная гегемония компартии на фоне разрухи является чем-то вторичным, потому что своим появлением она обязана именно царствующей в стране разрухе. Очень важно, чтобы жители Западной Европы это осознали" [9].

"Распад российской государственности в конце 1917 г., несомненно, был наиболее радикальным в ряду всех разрушений существовавших общественных структур. Это было время полной дезорганизации и раскола общества. Некому было соблюдать общественный порядок, поэтому в Петербурге и Москве открыто, среди бела дня, грабили, раздевая до рубашки. Иногда целыми днями трупы лежали на дорогах, а мимо них шли прохожие. Вооруженные люди, называющие себя красноармейцами, часто врываются в дома, грабили и убивали. Это было проявлением самых плохих качеств человеческой природы, людей, попавших в безвыходное положение. Вскоре Россия превратилась из цивилизованной страны в страну, которую захлестнул поток беззакония и насилия" [9, с. 20-21]. "Сегодняшняя Россия нуждается не только в лекарствах и продуктах, но и в руководителях, - классе, который бы контролировал рядовых работников. В России обычная административная деятельность ведется удивительными методами. Не стоит говорить о попустительствах и небрежном отношении к своим обязанностям. Эту ситуацию никакой контрреволюции не изменить. Таковы реалии сегодняшней России" [9, с. 70].

В 1920 г. самодержавная Россия прекратила свое существование, а советская власть еще в полной мере не установилась. Уэллс задает риторический вопрос: "А не послужило ли причиной этой ужасной разрухи отсутствие твердой власти в России?" Он пишет, что большевикам удалось захватить политическую власть только потому, что они принесли на себя всю полноту политической ответственности и смогли навести порядок в стране. Уэллс утверждает, что причиной разрухи в России главным образом была первая мировая война, с чем не может согласиться автор данной работы. По его мнению, причины тому были более глубокие, чем те, которые приводит Уэллс.

Конечно, несправедливо сравнивать воевавшую на протяжении многих лет и потерявшую свое могущество Россию с Японией, которая победила в Русско-японской войне и где очень высоко национальное самосознание. Вот как выразил свои впечатления о народе Андре Жид, посетивший в 1936 г. Советский Союз. "Первое впечатление о москвичах - совершенно беспечные и вялые... Стахановское движение - прекрасное изобретение для раскочки народных масс. Раньше для этой цели применялись телесные наказания. Вообще-то стране, где люди приучены к труду, стахановское движение не нужно. Но в Советском Союзе, если рабочих предоставить самим себе, то из каждых десяти восемь или девять будут бездельничать. Поэтому странно, что здесь хоть что-то делается. Но об этом должна болеть голова у руководителей.

Таким образом, одной из наиболее важных и насущных проблем, которую требовалось решить Сталину, была инертность и вялость масс. Думаю, и сегодня эти проблемы не потеряли своей актуальности. Вот в чем главная причина появления стахановского движения" [10].

После падения самодержавия в России наступил период невообразимого хаоса и запустения, возникла необходимость в "твердой руке", потерпела неудачу идея первого Комитета народного образования о введении свободного всеобщего обучения, и основой российского образования стало воспитание коллективизма по Макаренку. Это произошло потому, что в России, в отличие от Японии, не утвердился общественный или социально-психологический механизм контроля над стихийностью.

Вместе с тем в народной массе существовали и совершенно другие социальные типы поведения. А именно - обязательность, ответственность были свойственны

представителям высшего общества царской России, интеллигенции, раскольникам и др. из народа. Вообще, как показали В. Ключевский, Г. Федотов и многие другие русские историки, философы, богословы, православная христианская культура воспитывала в человеке чувство самоконтроля, дисциплинированность, самоограничение, уважение к труду и другие моральные принципы, что и стало почвой для возникновения особой и глубокой духовности. Главный герой повести Солженицына "Один день Ивана Денисовича" - тоже из таких людей. Заключенный Шухов, как и многие другие, не мог работать спустя рукава на принудительных лагерных работах. Даже когда за ним не следили, он работал исправно, потому что "душа не принимала" недобросовестно выполненную работу.

Представляется, что именно потому что в России отсутствовал механизм единого психологического сдерживания, это общество, в отличие от Японии, смогло породить оригинальный национальный характер, великолепных писателей и художников. С другой стороны, на общественную жизнь Японии большое влияние оказывал механизм психологического сдерживания и ограничения, что породило в народе поистине высокое чувство порядочности и особое отношение к труду. Однако неоспорим тот факт, что в японском обществе нестандартность, оригинальность характера и элитарность стали исключением из правил и поэтому здесь трудно заниматься венчурным бизнесом и вести творческую жизнь.

4. Эскурс в историю

В Японии феодальный строй возник в эпоху Камакура и завершил свое становление в эпоху Эдо, длившуюся с XVII по XVIII век [11]. Видимо, именно в этот период традиционное чувство порядка зародилось в деревенских общинах, а в полной мере сформировалось к началу XVIII в., т.е. после периода Кехо. В Японии и Европе феодальный строй имел свои различия. У нас в стране традиция индивидуализма не проявлялась в той степени, как это было в Англии. В феодальной Японии деревенские общины со своими старостами были независимыми и пользовались преимуществами самоуправления. Феодалы непосредственно не управляли крестьянами, не заставляли их работать из-под палки. Они назначали старост и администрацию общин, создавали тесные межличностные отношения в деревнях, посредством которых ограничивали свободу действий крестьян. В Японии в межклассовых отношениях главенствовали не отношения господства и подчинения, а личная верность и доверие. В эпоху феодализма в Японии внутри каждой общественной единицы, а именно - в среде крестьян, горожан и воинов большую роль играли все регламентирующие строгие законы и правила межличностных отношений.

В своих записках о японском народе эпохи "сражающихся царств" религиозный проповедник из Португалии Франциск Ксавье (Francisco de Xavier, 1506-1552), посетивший Японию в 1549 г., отметил, что "японцы воинственны, это все время воюющий народ, священники нравственно пали". Однако, продолжает он, "народ беден, но бережлив, у него развито чувство самоограничения, он очень культурен и вежлив, многие умеют читать и писать, ненавидят воровство. В этом смысле этому народу можно доверять как никому другому" [12].

Итальянский проповедник Алехандро Валиньяно (Alejandro Valignano S.I., 1539—1606) три года с 1579 по 1603 пробыл в Японии. В его отчете написано следующее:

"Японцы развратны и совершают безнравственные поступки, могут предать своего хозяина. Постоянные войны бесчеловечны и жестоки, человек может не задумываясь убить ближнего своего. Религия ни во что не ставится, повсюду царит зло. Однако, с другой стороны, у них прекрасные традиции и натура. Даже люди низших сословий не грубы, трудолюбивы, их воспитывают в уважении к красоте. Весь быт японцев отличается предельной аккуратностью и красотой, их искусство доведено до совершенства, кажется, будто бы все японцы получили образование в одной школе. У них очень развито чувство собственного достоинства, и они уважают это качество.

В международных отношениях они проявляют большую осторожность. Скромны в выражении своих чувств, подавляют гнев, не давая выхода наружу эмоциям. В случае необходимости могут молчать и делать вид, будто бы ничего не знают" [13].

Франсуа Каро (Francois Caron, 1600-1673) - руководитель голландского торгового дома Хирадо, после посещения Японии написал книгу под названием "Великое Королевство Япония" (Beschryving van het Machting Coninkrijcke Japan, 1648) о Японии первой половины XVII в. Вот что было в ней написано о японцах и об их образовании:

"Японцы очень бережно относятся к своим детям, почти никогда их не наказывают... Дети 7-12 лет удивительно сообразительны и мягки по характеру, их знания, манера говорить и обращение, как у стариков... Им настойчиво прививают такое качество, как честолюбие, которое заставляет их стремиться к получению знаний добровольно, а не в порядке принуждения. Японцы - сильный народ, и от них нельзя добиваться чего-то с помощью насилия".

Василий Иванович Головнин с 1811 по 1813 гг. пробыл в японском плену. От тоже обратил внимание на талант японцев к обучению своих детей. Он говорил: "Японцы начинают воспитывать своих детей, когда те еще не вышли из пеленок... Но самое важное, что они учат их терпению, скромности и выносливости" [14] и хвалил японцев всех социальных слоев за их учтивость, выносливость и самоограничение.

Ван Овермеер Фишер (J.F. van Overmeer Fisscher), работавший с 1820 по 1821 г. в голландском торговом доме Хирадо, в своей книге "Мой вклад в изучение Японии" (Bijdrage tot de Kennis van het Japansche Rijk, 1833) привел примеры отрицательных черт японского характера - это скрытность, злопамятность, равнодушие к попавшим в беду, а также отметил положительные стороны японцев - трудолюбие, правдивость, бескорыстие, чистоплотность, строгое соблюдение этических норм [15].

В японском обществе уже в XVI в. стали традицией самоконтроль (воздержание) и поддержание социального порядка (общественной дисциплины). Особое внимание следует обратить на то, что эти черты присущи не какому-то одному социальному слою или определенной общности, а обнаруживаются в широких народных массах. Это подтверждает и мнение Валиньяно, относящееся к Японии XVI в. "Такое чувство, будто бы все японцы получили образование в одной школе". Причем традицию самоограничения японцы усваивают с детских лет. Вот почему европейские религиозные проповедники, посетившие Японию, говорили, что невозможно представить себе обучение японских детей из-под палки.

Давайте посмотрим, как с этим вопросом обстоят дела в России. Гоголь сказал, что вся жизнь России средних веков наиболее полно и досконально описана в "Домострое". Говорят, что "Домострой" вобрал в себя всю житейскую мудрость русских людей. "Домострой" - это книга, в которой сформулированы основы общественной морали, писавшаяся с XV по XVI в. В ней говорится о душе, которая боится Бога, о верности Императору, благотворительности, честности, прилежании, чистоплотности, разъяняется вред пьянства и еще многое другое. Приведем некоторые выдержки из нее:

Глава 17. Как детей учить и страхом спасать

Наказывай сына своего в юности... И не жалея бей ребенка: если прутом посечеши его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти... Любя же сына своего, умножай ему раны - и потом не нахвалишься им... Воспитай дитя в запретах - и найдешь в нем покой и благословение... И не дай ему волю в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет для тебя досадой и болезнью души [16].

Глава 38. Как порядок в избе навести хорошо и чисто

"...Должен муж жену свою наказывать и вразумлять страхом наедине, а наказав, простить... А слуг и детей, также смотря по вине и по делу, наказать и посечь, и наказав, пожалеть..." [16, с. 80-83].

Одним словом, главная цель "Домостроя" - научить людей жить порядочно (от слова "порядок"). "Домострой" учит: чтобы был порядок, надо почитать Бога и быть верным Царю, наказывает народу, что Бог - это высшая сила, карающая за пороки и преступление.

Граф Калиостро, которого английский король Карл II в 1663 г. своим распоряжением направил в Россию, в путевом дневнике отметил: "Москвичи деликатны, способны и умны". Вместе с тем он же писал: "Их самое заветное желание - побездельничать, без принуждения и без необходимости они и пальцем не шевельнут. Они готовы быть битыми, лезть под розги, только бы не работать" [17].

Французский ученый Шап Д'Отерош (Chappe d'Auteroche), пребывая с 1761 по 1762 г. в Тобольске, где он вел астрономические наблюдения, в путевых заметках о Сибири подробно описал жизнь простых россиян. Он отметил, что русские по натуре веселые, отличаются широтой души и общительностью, но деспотическая государственная политика разрушила их ум, интеллект и нравственность. Страх - единственное, что управляет русским народом [18].

Особенности русского характера тонко подметил Жюль Легра (Jules Legras), который много писал о Европе, перешагнувшей рубеж XVII в., изучал путевые заметки о России и сам долгое время прожил в ней. В книге "L'ame russe" (1934) он говорит: "Природные качества, присущие русским людям, - доброта и душевность. В этом заключается их неисчерпаемая привлекательность. Любопытно, что хоть раз пообщавшись с русским человеком, навсегда сохраняет к нему искреннее расположение. Однако эти качества уживаются с принципом "живу одним днем", беспечностью и безволием. Русские, однажды взявшись за дело, могут с энтузиазмом его выполнить; если прикажут, могут привести в образцовый порядок контору или особняк. А в целом они лентяи и к работе относятся небрежно, для них работа - это не более чем насилие со стороны, и если их не контролировать, они отлынивают от работы. Поэтому в эпоху самодержавия солдат и крестьян били розгами. Абсолютистский режим разрушил их ум, интеллект и нравственность, и только страх заставлял весь народ работать" [17].

После ознакомления со всеми отзывами понимаешь, как прав был Андре Жид, когда в 1936 г. писал, что психология советского народа осталась такой же, как и много веков назад.

Закон не давал российским помещикам право отнимать жизнь у своих крестьян и слуг, но позволял наказывать их розгами. Сельские общины тоже имели право применять телесные наказания к своим членам. Кропоткин в автобиографии писал, что даже в XIX веке крестьян и солдат за малейшую провинность подвергали жестоким телесным наказаниям, и даже забивали розгами до смерти [19]. Эти страшные кары не только не порицались, но, как было уже сказано, поощрялись, о чем есть масса свидетельств.

В этой связи хотелось бы заметить, что японские законы эпохи Эдо тоже предусматривали крайне жестокие наказания для преступников, однако в повседневной жизни феодалы почти не применяли телесных наказаний к своим подданным и прислуге. Дело в том, что в японском обществе не телесные наказания, а наказания отлучением от общины и психологическое давление были наиболее эффективными и жестокими. "Японские законы признавали за хозяином право убить своих слуг, но если бы кто-нибудь попробовал воспользоваться этим правом, то этого человека общественное мнение клеймило бы несмываемым лозором", - писал русский народник и этнограф Л.И. Мечников, посетивший Японию в период Мэйдзи [20]. Правда, и тут были исключения - свой новый меч самурай всегда мог опробовать на первом встречном. Подобные вещи были легитимны, и к ним относились с пониманием.

5. Обратная сторона отличий Японии и России

Отличие японского общества от российского состоит в том, что в первом исключительно сильно влияние социально-психологических ограничений, в другом - наоборот, - естественные чувства при отсутствии сдерживающих факторов вырываются

наружу, т.е. в нем особенно сильна стихийность. Можно сказать, что в этом смысле данные общества являют собой две крайности. Каковы же причины возникновения этих отличий? Дело в том, что в Японии при ограниченности природных ресурсов деревенская община выполняла функции социального регулирования, и люди благодаря такому саморегулированию на первое место ставили соблюдение норм межличностных отношений, так как им негде было спрятаться от "чужих глаз". Местные общины путем психологического давления жестко регламентировали жизнь своих членов. Невозможно было жить, не повинаясь этим регламентациям. "Превратив деревню в обособленный мирок, община не допускала проявлений личной инициативы и регламентировала все - вплоть до ведения хозяйства и образа жизни... Если не будешь придерживаться установленных правил, то община ограничит свободу твоих действий, отвергнет тебя, и жизнь в деревне станет невозможной" [21]. В обществе, где некуда скрыться от "чужих глаз", такое психологическое давление превратилось в карающую силу для человека, не вписывающегося в созданные рамки". Для японца самое жестокое наказание - "отлучение от общества... а если такое случается, то это подобно смерти" [22].

Такое положение вещей постепенно начало складываться при феодальном строе с начала эпохи Камакура и полностью закрепились в эпоху Эдо, распространившись затем на все японское общество.

"В японской деревне существовали и эффективно действовали правила, которые регулировали все до мелочей, даже нормы расхода воды, необходимой для орошения. Говорят, что в деревне начала XVIII века (после периода Кехо) была введена жесткая система контроля за использованием природных ресурсов. Почти столетний период, прошедший со времени учреждения сегуната Токугава (1603 г.) до правления Кехо, был временем "великого освоения земель". Произошло увеличение пахотных земель с 2 до 3 млн. гектаров. Почти вся земля, полученная в результате умелой расчистки, распаивалась. За тот же период население увеличилось примерно в 4 раза - с 8 до 30 млн. человек, что повлекло за собой значительное снижение пахотной земли, приходящейся на одного жителя... По прошествии периода Кехо между жителями деревень стали возникать конфликты в связи с использованием рек, лесов и пастбищ. Как превентивный механизм урегулирования такого рода конфликтов постепенно сформировался закон о совместном использовании природных ресурсов. Японский опыт показывает, что когда по мере роста населения сокращаются природные ресурсы..., в обществе развивается механизм регулирования со стороны общины. Эта система регулирования не может возникнуть сразу в случае необходимости, а достигается как консенсус, как результат многочисленных проб и ошибок" [23].

В эпоху Эдо невозможно было жить свободно, вне общины, потому что по правилам сегуната в то время жителю деревни запрещалось давать ночлег бездомному, человеку, не имеющему постоянного места жительства. В "Кодексе Пятидворок" - основном законе эпохи Эдо - было записано: "Запрещается давать ночлег даже на одну ночь беглым, ушедшим в монахи, отшельникам, странствующим монахам, торговцам лошадьми, несемейным, сбежавшим из других мест крестьянам, родственникам". Самым страшным наказанием являлось исключение из подушной книги [24].

В России в условиях самодержавия усердие и самоконтроль как традиции были слабы, исключение составляли лишь особые сообщества, например, религиозные. Уже упоминавшийся Жюль Легра, изучая Россию, писал: "Большинство россиян полагают, что профессиональное усердие и совесть - вещи ненужные. Все думают, что население российского Севера трудолюбиво, однако жители Архангельска очень ленивы. Северный регион богат продовольствием и промысловыми животными, именно это и является причиной лени местных жителей. Только монахи Соловецкого монастыря очень трудолюбивы" [17, с. 139-140].

Вообще в российской общине по сравнению с японскими деревнями феодальной эпохи возможности социально свободного поведения были намного большими. Об этом, в частности, свидетельствует институт казачества. На Черноземье и в Сибири

оставались пространства для свободной жизни. Таким образом, российским крестьянам не было необходимости заниматься полупринудительным самоконтролем подобно японцам, которым в общинах негде было спрятаться от "чужих глаз".

Повторяю, здесь не все однозначно: в советский период существовали социально активные слои населения - коммунисты первого поколения, партийные активисты и руководители промышленной сферы, ученые, технические специалисты, интеллигенция, люди искусства, часть евреев, немцы и другие наследники определенных идеологий, которые поддерживали традицию ответственного самоограничения и труда [25]. Однако большая часть населения, работающего в соответствии с административными приказами и общественными нормами в условиях диктатуры, хорошо усвоила следующий стиль поведения - жить, обходя приказы и порядок, следуя собственным побуждениям. Даже традиция товарищеской взаимоподдержки проявлялась в совместном саботаже дисциплины и приказов, исходящих свыше. Поэтому принудительная дисциплина советского периода не стимулировала развитие общественной морали, ограничивающей эгоистические устремления. Напротив, была сильна тенденция к разрушению общественной морали. Стихийность порождает трудности в демократизации и переходе к рыночной экономике, а также хаос в сегодняшней России.

Нельзя забывать, что и сегодня в России внутри так называемого "базарного общества" существуют общественные группы с иной психологией. Важно то, какую роль в дальнейшем будут играть они в развитии России. Но это уже другая тема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *C.E. Black. M.B. Jansen, C. Roman and others. The Modernization of Japan and Russia*, New York, 1975.
2. *Хакамада С.* О России и "базарном" обществе: Базарный и раскольнический этосы России // Хакамада С. Базарный и раскольнический этосы России, Менеджмент. № 5, 1997. Изучение России. 1985.
3. *Тиэ Наканэ.* Динамика вертикального общества, изд. "Коданся Гэндай Синее", 1996, с. 158.
4. *Johan Huizinga.* Herfstlij dermiddeleeuwen, 1919.
5. *Martin Luther.* "Von weltlicher Obrigkeit: wie weit man ihr Oehorsam schuldig sei", 1523.
6. *Max Weber.* Die Stadt, изд. Тюокоронся", 1979, с. 616-617.
7. *Софья Фон Таул.* Япония в Русско-японской войне, изд. Синдзинбуцу Дзюрайся. 1991. с. 296.
8. *Edward Sylvester Morse.* Japan Day by Day, 1917. -Boston: "Япония день за днем", изд. "Хэйбонся", с. 112.
9. *H.G. Welh.* Russian in the Shadows. - London, 1920. (На японском языке "Россия во мгле". 1978, с. 37).
10. *Andre Gide.* Retour de L.U.R.S.S., Retouces a Mon Retour de L'.U.R.S.S. (На японском языке Записки о путешествии по Советам, Записки о путешествии по Советам с поправками), изд. "Синтеся", 1969.
11. *Хисао Оцуки.* Научные размышления о так называемом "Феодализме", собр. соч. 7, т. 7 "Основная мораль общества", изд. "Иванами Сетэн", 1971.
12. *Francois de Xavier.* Записки святого Франциска Ксавье, т. 2, изд. "Иванами Сетэн", 1991, с. 27-28.
13. *Alejandro Valignano S.I.* Sumariode lascosas de Japon, 1583. "Отчет о поездке в Японию", изд. "Хэйбонся".
14. *Francois Caron.* "Beschryvig van het Machtich Coninckrieke Japan" 1648. (На японском языке "Великое королевство Япония"), изд. "Хэйбонся", 1989, с. 166.
15. *J.F. van Overmeet Fisscher.* "Bijdrage tot de Kennis van het Japanishe Rijk" 1833. (На японском языке "Заметки о японских обычаях"), изд. "Хэйбонся", 1989.
16. Домострой. - Санкт-Петербург, 1994. (На яп. языке изд. "Июмиури Сеся" 1994, изд. "Емиури Симбунся". 1984, с. 40-41.
17. *Jules Legras.* L' ame russe. 1934. - Рэймэн Сеся, 1942, с. 6.
18. *Chappe d'Auteroche.* "Voayge en Siberie" 1768. (На яп. языке "Записки о путешествии по Сибири"), 1979.
19. *П. Кропоткин.* Воспоминания революционера, 1899. (На японском языке), изд. "Иванами Сетэн", 1979.
20. *Л.И. Мечников.* Реставрация Мэйдзи глазами изгнанника. Коданся, 1982, с. 102.
21. *Хисао Оцука.* Как мы видим "сообщество". Собр. соч. - т. 7, "Основная мораль сообщества". Иванами Сетэн, 1971, с. 202.
22. *Тиэ Никанэ.* Динамика вертикального общества, изд. "Коданся". Гэндай Синее, 1996. с. 36.
23. *Юдзиро Хаями.* Наука о экономическом развитии. - Собонся. 1966. с. 267-268.
24. *Такахаси Тору.* Эдосский процесс. - Иванами Сетэн, 1996, с. 27.
25. *Каори Кавабата.* Справочник о России и СССР. Хэйбонся, 1989. с. 437.